

Р. ЛИНТОН

ЛИЧНОСТЬ, КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО*

Исследования личности, культуры и общества, во всем их многообразии и взаимосвязях, представляют собой ответ на старый императив, гласящий: «Человек, познай себя». Большая часть явлений, изучаемых в рамках этого направления, известна с незапамятных времен, однако их анализом занимались преимущественно философы и теологи. В качестве объекта научного исследования они стали рассматриваться только при жизни последних двух-трех поколений.

Но даже теперь они развиваются с большими трудностями. Несмотря на успешное использование некоторых научных методик, многие из подходов просто не применимы к анализу феноменов данного порядка. Сама природа материала в большинстве случаев препятствует использованию экспериментальных методов. Подлинные свойства культуры и общества таковы, что их невозможно привести в систему или создать для их исследования строго контролируемые условия. Экспериментальные методы более применимы для изучения индивида, но и в этом случае они оставляют желать лучшего.

Личность, даже маленького ребенка, к моменту ее исследования, уже обладает своеобразным психологическим складом и врожденными, биологически детерминированными задатками. Они составляют искомый X всех уравнений, единственное неизвестное, не найденное с помощью известных нам методик. Теоретически возможно выявить эти врожденные задатки, если поставить задачу контролируемого выведения человеческого потомства с одинаковой наследственностью. Тогда у нас появилась бы возможность наблюдать свойства личности, возникающие под воздействием различных внешних условий, выбранных для эксперимента. Однако использование человека в качестве «подопытной свинки» маловероятно даже в отдаленном будущем, поскольку сама эта идея разрушает все присущие нам ценности. Так, например, чтобы выйти на первую стадию выведения «чистой» породы, необходимо обойти запрет инцеста.

* Перевод выполнен по изданию: *Linton R. The Cultural Background of Personality. N.Y.-L., 1945. P. 1-26.* Впервые опубликовано на русском языке в журнале «Личность. Культура. Общество». 2001. Т. 3. Вып. 1. С. 68-86.

Эти ограничения, накладываемые на использование экспериментального подхода, не являются единственным комплексом проблем, с которыми сталкивается исследователь. Индивиды, культуры и общества представляют собой конфигурации, образующие единое целое, которое само по себе значительно важнее составляющих его отдельных частей. До недавнего времени научные исследования обращались к подробному анализу этих конфигураций и изучению составляющих их элементов в большей степени, чем к проблеме целостности. Даже сегодня, когда значение конфигураций как таковых общепринято, методы работы с ними практически отсутствуют. Наконец, отсутствие точной и доказуемой единицы измерения является серьезным препятствием для изучения большинства социальных и культурных феноменов. Пока подобные единицы не установлены, нельзя использовать и математические методы, доказавшие свою состоятельность для других областей исследования.

Наибольший методологический прогресс был достигнут в психологии, где была проведена большая серия опытов, многие из которых, казалось, дали удовлетворительные результаты. В основном эти тесты выявляли отдельные свойства личности, но не конфигурации личности в целом. На основании результатов группы индивидов были распределены в соответствии с основной характеристикой, например такой, как интеллект, но такие выборки не имели ничего общего с тем порядком, в соответствии с которым те же самые индивиды могли быть выделены в группу с другой характеристикой — такой, как агрессивность.

Последним и наиболее перспективным достижением в этой области является создание тестов, предназначенных для выявления конфигурации личности в целом. Это направление находится на стадии становления, однако тесты Роршаха и тесты Мюррея на апперцепцию уже доказали свою состоятельность и научное будущее. Но даже и тогда, когда формальные процедуры будут доведены до предельного совершенства, они не смогут дать ответ на некоторые наиболее значимые вопросы, связанные с исследованием личности. Любой тест может раскрыть свойства личности только на тот момент, когда он проводится. Индивид представляет собой динамичный континуум, и несмотря на важность раскрытия его содержания, организации и его проявлений в настоящий момент времени, более существенными являются процессы его развития, роста и изменений.

При изучении этих процессов формальные тесты могут дать нам не более чем серии точек, расположенных на линии (диаграмме) жизни индивида. Мы располагаем весьма незначительными сведениями подобно-

го рода. В этой ситуации наилучшим подходом к исследованию проблем развития личности должно оставаться изучение и сравнение жизненных историй, полученных от самих индивидов. Психоаналитики проделали важную работу в этом направлении, но даже в психоанализе осталось масса лакун в формировании объективных техник. Несмотря на частичную состоятельность многих заключений психоаналитиков, большинство из них достигнуто на основе субъективных суждений и не применимо к тому роду доказательств, которые необходимы исследователям в нашей науке.

Многие из вышеперечисленных трудностей со временем, вероятно, исчезнут. Ожидая развития новых технологий, предназначенных для исследования отдельных характеристик личности, культуры и общества, исследователи в своих выводах должны уйти от простого наблюдения и сравнения материалов. Подобный подход свойствен, скорее, старой школе, а не современным этнологам. Тем не менее, не следует забывать, что без ориентиров, намеченных работой натуралистов, большинство более поздних достижений было бы просто невозможно.

Исследователи человеческого поведения как на индивидуальном, так и групповом уровне, создали адекватные описательные техники и основательно продвинулись в понимании феноменов, которые они изучали. Они также существенно приблизились к осознанию сложности этого материала и пониманию тесной функциональной взаимозависимости между личностью, обществом и культурой. Исходя из атомистических традиций в науке, каждая из этих сфер должна быть выделена в самостоятельное поле исследования и представлена как объект изучения отдельной дисциплины.

Личность должна исследоваться в рамках психологии, общество — в рамках социологии, культура — культурной антропологии, хотя две последние науки демонстрируют устойчивую тенденцию вторгаться в поле друг друга. Сегодня становится очевидным, что взаимодействие между личностью, обществом и культурой столь тесно, их интеграция столь продолжительна, что ученый, который пытается работать с одним из этих феноменов, неизбежно вторгается в пределы иных сфер. Специалисты ограничены в своих возможностях, поскольку, ведомые своими интересами, стараются сохранить раздельность этих дисциплин. Тем не менее, представляется возможным, что в течение уже нескольких последующих лет мы станем свидетелями появления науки о человеческом поведении, которая будет синтезировать достижения психологии, социологии, антропологии. Возможно, к этой троице через некий промежуток времени следует добавить биологию, но соотношение между биологическими, психологическими, социальными и

культурными феноменами еще столь слабо изучено, что пока лучше ее опустить.

Несмотря на функциональные взаимодействия между личностью, обществом и культурой, эти три сущности для адекватного описания могут и должны быть дифференцированы. Хотя любой, отдельно взятый индивид не играет существенной роли в процессе выживания и функционирования общества, к которому он принадлежит, или культуре, в которой он участвует, сама личность, ее потребности и возможности лежат в основе всех социальных и культурных феноменов. Общество представляет собой организованные группы индивидуумов, а культура, согласно последнему анализу, является системой организованных реакций членов этого сообщества. Следовательно, личность является отправной точкой для исследования более крупных конфигураций.

Таким образом, можно сказать, что именно те потребности индивида, которые обуславливают его поведение, ответственны за функционирование общества и культуры. Они оказываются более многочисленными и более разнообразными, чем потребности большинства иных биологических видов. Помимо того, что может быть отнесено к физиологическим потребностям, таким как потребность в пище, сне, избавлении от боли и сексуальном удовлетворении, человеку необходим целый набор иных потребностей, необходимость которых не проявляется напрямую. За неимением лучшего термина их можно назвать психологическими потребностями. Несмотря на то, что физиологически детерминированные потребности индивидуума, как правило, называются первичными, а психологические – вторичными, подобное противопоставление уместно только с позиции генетики. Безусловно, физиологические потребности первыми появляются в ходе эволюции и становятся базовыми в индивидуальном жизненном цикле. Тем не менее, определяя мотивацию поведения взрослого человека, физические и психологические потребности действуют параллельно. Возможно, в некоем затянувшемся конфликте между первыми и вторыми перевес оказывается на стороне физиологии, но постоянное подавляющее преимущество телесных потребностей не гарантировано. Забастовщики, проводя голодовку, отказываются от пищи до самого конца, в военной Европе люди умирают под пытками, но не предают друзей и не отказываются от своих убеждений. В нормальной повседневной жизни потребности психологии снова и снова подтверждают свой приоритет над физиологией. Всем известна старая поговорка: «Красота требует жертв».

Мы все еще очень мало знаем о психологических потребностях, хотя они играют важную роль в мотивации поведения. Само происхождение

их не ясно, у нас нет их удовлетворительного описания и классификации. Психологические состояния — явление сложное, не слишком подходящее для исследования с помощью точных объективных методов. О природе и самом существовании психологических потребностей можно судить, исходя из сформированного ими поведения. Проявления поведения настолько разнообразны, что возникает проблема выбора: соотнести ли их с незначительным числом общих или со множеством специфических мотиваций. Если следовать последней методике, то количество психологических потребностей можно увеличить почти до бесконечности, но при этом утрачивается ценность, присущая самой системе классификации. Проблема разработки адекватной классификации психологических потребностей состоит еще и в том, что любая, равно психологическая и физиологическая потребность человека, редко бывает однозначно связана с конкретной моделью внешнего поведения. Когда человек действует в соответствии с установленным культурным образцом, его действия, как правило, направлены на удовлетворение нескольких потребностей одновременно. Так, когда мы одеваемся, то, с одной стороны, защищаем свое тело, а с другой — уступаем тщеславию или, по крайней мере, стремлению не вызывать осуждения окружающих. В такой ситуации будет более правильным отказаться от попытки создать классификацию и ограничиться коротким обсуждением психологических потребностей, наиболее общих и значимых для понимания человеческого поведения.

Возможно, самой ярко выраженной и постоянной является психологическая потребность в эмоциональном отклике. Термин «эмоциональный отклик» употребляется осознанно, поскольку многие реакции в поведении перекрывают эту потребность. Так, в современном городе индивид, вступая с другими индивидами в формальные, принятые в данной культуре отношения, получает все необходимые услуги, но не находит у них никакого эмоционального отклика. В таком случае его эмоциональная потребность остается неудовлетворенной, и он страдает от этой изоляции так же, как от реального одиночества. Действительно, подобные переживания ведут к еще большей фрустрации. Всем хорошо известно, что такое одиночество в толпе. Потребность в положительной реакции окружающих является для человека главным стимулом общественно одобряемого поведения. Люди следуют общественным нормам не только из страха перед наказанием, но и в поисках одобрения.

Потребность в эмоциональном отклике настолько универсальна и сильна, что многие обществоведы считают ее инстинктивной, то есть врожденной. Так ли это или она результат условий формирования — это проблема, которая, вероятно, никогда не будет решена.

В детстве индивид настолько зависит от взрослых, что не способен выжить без их помощи и эмоционального участия. Эта поддержка одновременно обеспечивает удовлетворение его самых элементарных потребностей, но необходимость эмоционального отклика настолько велика, что, даже научившись удовлетворять элементарные потребности без посторонней помощи, он сохраняет стремление получить подобный отклик. С другой стороны, существуют свидетельства, что даже маленькие дети нуждаются в эмоциональной реакции окружающих для комфортного существования. Именно ее недостатком можно объяснить высокую детскую смертность в детских учреждениях самого высокого класса, даже если в них санитарные условия гораздо лучше домашних. Как говорил один известный психоаналитик: «Дети, которых не любят, не живут»¹. Мы все проходим через опыт детства, и вопрос о том, врожденной или приобретенной является потребность в эмоциональном отклике, — чисто академический. В любом случае эта потребность универсальна.

Второй универсальной психологической потребностью является потребность в стабильной безопасности. Благодаря человеческой способности воспринимать время как континуум, охватывающий не только прошлое и настоящее, но и будущее, благополучие настоящего момента неполно, если нет уверенности в будущем. Мы нуждаемся в ощущении стабильности, а пугающее нас чувство времени позволяет отсрочить удовлетворение сиюминутных потребностей и примириться с временными трудностями в ожидании будущего вознаграждения. Потребность в безопасности и спокойствии отражена во многих формах культурно детерминированного поведения. Она заставляла первобытного ремесленника дополнять свои действия приемами магии, и человек на всех уровнях развития культуры полагал, что правильное поведение в настоящем будет вознаграждено на небесах. В силу того, что сегодня наши знания о психических процессах весьма ограничены, бессмысленно рассуждать о происхождении этой потребности. Достаточно признать ее значение для мотивации такого предусмотрительного поведения.

Третьей из самых важных психологических потребностей можно назвать потребность в новом опыте. Возможно, она не столь обязательна, как вышеупомянутые, так как обычно проявляется только после удовлетворения большинства других. Она реализуется в известном чувстве скуки и пробуждает все виды инновационного поведения. Так же как и эмоциональные реакции, она, очевидно, зарождается в раннем детстве. Это период постоянного приобретения нового опыта, зачастую приятного, поэто-

¹ Dr. S. Ferenczi, цитируемый А. Кардинером.

му чувство новизны, по всей вероятности, оказывается изначально связанным с ощущением удовольствия. С другой стороны, корни этой потребности могут лежать глубже. Даже у очень маленьких детей проявляется склонность к эксперименту, а В.И. Павлов признал это свойство аналогичным тому, что он называл ориентировочным рефлексом у животных.

Роль и физиологических, и психологических потребностей состоит в том, что они, строго говоря, обуславливают человеческое поведение.

Если бы они не подгоняли человека, тот пребывал бы в бездействии. При наличии же потребности он вынужден действовать, чтобы ослабить напряжение; Это относится как к явным, так и скрытым действиям, таким как обучение и мышление. И, тем не менее, нельзя сказать, что все виды поведения обусловлены только потребностями.

Эти потребности приобретают ту или иную форму под воздействием многих факторов. Поведение, которое реализует определенную потребность или их совокупность, должно постоянно соответствовать окружающей среде, в которой действует индивид. Эта среда в качестве определяющих факторов включает как своеобразие природных условий, так и опыт. Так, поведение, направленное на добывание пищи, в современном городе отлично от той же формы поведения в дикой природе. Более того, техника, которую использует индивид в каждом отдельно взятом случае, будет отличаться в зависимости от его прошлого опыта. И в условиях дикой природы тот, кто уже привык добывать пищу с помощью охоты, будет действовать иначе, чем новичок.

Если какие-либо виды человеческого поведения нельзя объяснить исходя из потребностей, то это невозможно сделать и описывая эти реакции как врожденные. Несмотря на то, что эти потенции накладывают жесткие рамки на варианты реализации поведения, они все же оставляют широкое поле для реализации разнообразных возможностей. Выбор одного из вариантов определен набором ряда факторов. Поведение индивида обусловлено его опытом, который, в свою очередь, складывается под влиянием окружающей среды. Отсюда следует, что изучение окружающей среды необходимо как для понимания конкретной личности, так и индивида вообще.

Хотя влияние окружающей среды не может быть одинаковым даже на однояйцевых близнецов, выросших в одной семье, все же человеческая среда обитания обладает общими чертами. Мы склонны считать, что природная среда, которая обладает такими свойствами, как температура, характер местности, источники пищи, проявляется в виде факторов, чрезвычайно разных в зависимости от времени и места. Хотя все эти факторы воздействуют на опыт индивида, их роль в формировании личнос-

ти нельзя назвать определяющей. Между естественной средой и индивидом всегда стоит среда обитания человека, влияние которой значительно более важно. Эта человеческая среда состоит из других индивидов, организованных в группы, то есть общества, и характерного образа жизни этой группы, то есть культуры. Поэтому большинство стереотипов поведения, даже глубокие эмоциональные реакции обусловлены взаимодействием человека с обществом и культурой.

За редким исключением, как это ни печально для эголистов, каждый человек — это только частный случай в истории общества, к которому он принадлежит.

Наш вид в своем развитии уже давно достиг той точки, когда функциональными единицами в борьбе за выживание стали не индивиды, а организованные группы людей.

Социальное бытие как характеристика *Homo sapiens* так же важна, как смешанные зубы или противостоящий большой палец. Но если принять во внимание предшествующее взаимоотношение человека и природы, то самым удивительным будет то, как развились человеческие общества. Наш вид отнюдь не первый осуществил эксперимент бытия в организованных группах, однако пропасть, отделяющая наш социум от других сообществ, даже ближайших к человеку человекообразных обезьян, — грандиозна.

Для того, чтобы найти какие-нибудь аналогии человеческой ситуации, следует обратиться к представителям другого филума — насекомым. Они создали сообщества чуть менее сложные, чем у нас, но с помощью методов, нам не доступных, развили инстинкты в ущерб способности к обучению и, более того, за счет способности к инновации. Линия их эволюции была направлена на формирование живых автоматов, жестко привязанных к определенным природным условиям. Это существа, у которых максимум эффективности сочетается с минимумом индивидуальности. Насекомые с трудом обучаются и быстро утрачивают усвоенное, но в большинстве случаев они проходят свой короткий жизненный цикл, вовсе не обучаясь и совсем не решая новых проблем. Приспособление подобных автоматов к функционированию в качестве членов сложного организованного общества — лишь один шаг вперед по сравнению с приспособлением к функционированию в ограниченном стабильном природном окружении, которое не побуждает к развитию каких-либо новых качеств. Каждый муравей или пчела соответствуют своему месту в сообществе, сочетая структурную специализацию с инстинктами. Они организованы как физически, так и психически, чтобы быть рабочими и солдатами, и не способны действовать в любом другом качестве. Они обла-

дают минимумом индивидуальных потребностей, и ни одна из них не приведет к конфликтам с другими членами того же сообщества. Член такого сообщества, играя определенную роль в воспроизводстве, лишен даже половых стимулов, которые являются благодатной почвой для конфликтов у большинства позвоночных. Короче, общественные насекомые не столько индивиды, сколько стандартизированные взаимозаменяемые единицы. С момента появления на свет они так хорошо приспособлены к заранее определенным социальным функциям, что не могут от них уйти. Подобная единица является идеальной составляющей в однородной, интегрированной и абсолютно статичной общественной структуре.

Едва родившись, муравей уже обладает всеми качествами, о каких только может мечтать самый требовательный диктатор.

В отличие от общественных насекомых, человек является конечным продуктом той линии эволюции, которая направлена на развитие индивидуальных черт. У млекопитающих выработалась способность к обучению, а на более высоких уровнях — и к мышлению. Став людьми, наши предки утратили большинство автоматических реакций, сохранив простейшие из них. У человека нет инстинктов, по крайней мере, в том смысле, в котором мы употребляем этот термин, говоря о поведении насекомых. Он должен был усвоить или изобрести практически все, что бы он ни делал. Поэтому любой индивид не только может, но и должен развить собственные привычки поведения. Более того, несмотря на частичное закрепление этих привычек в процессе формирования навыков, они, в отличие от инстинктов, не фиксируются раз и навсегда.

Наряду со способностью к обучению и приобретению навыков у человека есть не менее важная способность — забывать усвоенное, распознавать новые ситуации и вводить новые модели поведения. Таким образом, возможности индивидуальных вариантов поведения оказываются безграничными. Когда несколько человек одинаково реагируют на одну и ту же ситуацию, причину следует искать в их одинаковом опыте. У членов одного и того же сообщества одинакового опыта будет гораздо больше, чем у членов разных обществ. Однако некоторые виды опыта присущи всему человечеству. Например, любой взрослый когда-то был ребенком, и его выживание зависело от заботы окружающих. Именно этот общий опыт, а также общие потребности и способности обуславливают универсалии, единообразие человеческого поведения.

В сущности, представители нашего вида обладают большими потенциальными возможностями к дифференциации и индивидуализации, чем представители любых других биологических видов. Наша линия эволюционного развития ушла в сторону от формирования стандартных еди-

ниц, служащих идеальными элементами сложных общественных структур. Остается только гадать, как проходила наша социализация. Человекообразные обезьяны, чья психология отличается от нашей не столько по качеству, сколько по уровню развития, обычно живут в сообществе, но даже у них специализация и дифференциация выражены гораздо слабее, чем у нас. Разрыв между сообществами людей и животных так велик, что развитие наших моделей социума можно считать эволюционным скачком. Человекообразные обезьяны пытаются жить как термиты, не обладая их инструментарием. Кто знает, может быть, человечеству значительно легче было бы существовать в согласии с инстинктами.

Каким бы ни было происхождение человеческих сообществ, все они обладают универсальными чертами. Первым, и наверное самым важным, был тот факт, что общество, а не отдельный человек стало фактором выживания нашего вида. Исключение составляют экстремальные ситуации, подобные той, в которую попал Робинзон Крузо. Все человеческие существа являются членами организованных сообществ, и их судьба неразрывно связана с судьбой их группы. Они не способны в одиночку выжить в детстве или удовлетворять свои взрослые потребности без помощи и сотрудничества других людей. Эпоха ремесленника-одиночки давно уступила место конвейеру, на котором каждый человек вносит свой вклад в конечный продукт.

Второй характерной особенностью является то, что общества живут намного дольше любого индивида. Каждый из нас в силу рождения оказывается в уже функционирующем сообществе. Несмотря на то, что при определенных условиях могут возникнуть новые общества, большинство людей рождаются, живут и умирают как члены старых. Поэтому проблема личности состоит не столько в том, чтобы способствовать созданию нового общества, сколько в том, чтобы адаптироваться к уже существующему культурному образцу. Эти рассуждения могут показаться несущественными, однако многие современные авторы не видят различия между происхождением социальных форм и общественным поведением личности. Происхождение института семьи — проблема совершенно иного рода, чем интеграция индивида в семью как в ячейку общества.

В-третьих, общества являются функциональными действующими единицами. Несмотря на то, что они состоят из отдельных людей, они действуют как единое целое. Интересы каждого члена сообщества подчинены интересам группы в целом. Общество неизбежно уничтожает своих членов, если они бросают ему вызов. Мужчины отправляются на войну и погибают ради защиты общества или его обогащения; преступников уничтожают или изолируют как нарушителей общественного спо-

койствия. Менее очевидно, зато более постоянно ежедневное принесение в жертву своих наклонностей и желаний членами общества. Подобные жертвы вознаграждаются по-разному, но преимущественно это вознаграждение состоит в одобрении окружающих.

Принадлежность к сообществу означает отказ от личной свободы, какими бы незначительными ни были ограничения, сознательно накладываемые обществом. Так называемые свободные общества в действительности отнюдь не свободны. Просто они являются такими сообществами, которые побуждают своих членов проявлять индивидуальность в общественно приемлемых вариантах. Вместе с тем, они приучают людей следовать бесчисленным правилам и нормам так настойчиво и незаметно, что те и не подозревают об их существовании. Если общество умело осуществляет формирование индивида, то тот осознает значительную часть навязанных ему ограничений не в большей степени, чем неудобство от ношения одежды.

В-четвертых, действия, необходимые для выживания общества в целом, всегда распределяются между его членами. Даже в самых примитивных обществах проводится различие между женским и мужским трудом, а в большинстве еще выделяются особые категории посредников между людьми и сверхъестественными силами и лидеры, организующие и направляющие деятельность групп. Такова обычная структура, однако в большинстве известных нам обществ она значительно сложнее, вплоть до организации различных работ по специальностям и назначения общественных служащих. Это формальное разделение различных видов деятельности способствует структурированию общества, его организации и сплочению. Благодаря этому сообщество индивидов из аморфной массы превращается в целостный организм. Чем выше степень дифференциации, тем сильнее зависимость индивида от него. Купец не может существовать без покупателя, а священник без прихода.

Именно такая система организации обеспечивает существование общества во времени. Биологические процессы воспроизводства служат сохранению группы, а не общества. Общества напоминают те исторические сооружения, которые, подобно Конституции², сохраняют первоначальную модель, несмотря на замену отдельных частей. Пример не слишком удачен, так как общественные структуры также меняются со временем в ответ на изменение условий. Однако подобные сдвиги обычно осуществляются постепенно, и модель общества существенно не трансформируется. Общество продолжает существовать как особая сущность, обу-

² Автор имеет в виду Конституцию США (*прим. переводчика*).

чая индивидов, родившихся в определенной группе, занимать соответствующее положение в общественной структуре. Чтобы выжить, они должны стать не просто членами общества, а специалистами, умеющими выполнять определенную работу лучше других. С точки зрения личности, процесс социализации включает в себя обучение тому, что он обязан делать для других людей и чего он вправе ждать от них.

И лабораторные исследования, и здравый смысл подсказывают нам, что сущность успешного обучения кроется в правильном соотношении поощрения и наказания. Поведение, которое приносит данные плоды, воспринимается гораздо охотнее и быстрее, чем то, которое вознаграждается лишь время от времени. Успешная подготовка индивида к тому, чтобы занять соответствующее место в обществе, зависит от степени стандартизации поведения членов общества. Мальчик, который научится поступать как мужчина, сможет стать успешно действующим мужчиной благодаря тому, что каждый в его обществе знает, как это должно быть, и поощряет или наказывает мальчика в зависимости от того, насколько он приблизился или удалился от искомого образца. Подобные стандарты поведения антропологи называют культурными образцами, без которых не может существовать и функционировать ни одно общество.

Понятие культуры столь важно, что требует для своего рассмотрения отдельной главы. Пока же достаточно определить культуру как образ жизни любого общества. Этот образ жизни включает бесчисленное количество граней поведения, но все вместе они являются составляющими целого. Все они представляют собой нормальную ожидаемую реакцию любого члена общества на определенную ситуацию. Таким образом, несмотря на огромное количество вариантов реакций в разных ситуациях большинство членов общества отреагируют на одно и то же явление почти одинаково. Например, в нашем обществе принято есть трижды в день, причем один раз в середине дня. Тех, кто нарушает это обычай, считают чужаками. Подобная согласованность поведения и общественного мнения формирует культурный образец; культура как целое представляет собой более или менее организованную совокупность подобных культурных образцов.

Культура обеспечивает членов данного общества необходимым руководством на всем жизненном пути. Эффективное функционирование индивидов и общества без него невозможно. Тот факт, что большинство членов общества отреагируют на конкретную ситуацию определенным образом, дает каждому из них возможность предвидеть поведение окружающих с высокой степенью вероятности, хотя и без абсолютной точности. Эта предсказуемость служит предварительным условием организо-

ванной общественной жизни. Человек, который собирается сделать что-то для других, должен быть уверен в их реакции. Существование культурных стереотипов создает уверенность в том, следование одним образцам общество одобряет, а нарушение — наказывает. Тем более что культурные модели, характерные для каждого общества, вырабатываются благодаря длительному опыту, в том числе благодаря использованию метода проб и ошибок.

Личность может добиться хороших жизненных результатов, если следует культурным образцам, и наоборот, достигнуть очень немногого или получить отрицательный результат, если их игнорирует.

На этом наблюдении основана известная поговорка: «Находясь в Риме, поступай как римлянин». В Риме или каком-либо еще ином сообществе жизнь организована на основе известных стереотипов местной культуры, отступить от которых не представляется возможным.

Существование культурных образцов необходимо не только для функционирования любого общества, но и для его сохранения. Структура, которая представляет собой системную организацию, является плотью культуры.

Хотя в интересах описания мы могли бы обратиться к пространственным аналогиям, представив подобную систему в виде объемной композиции, включающей множество точек — позиций, адекватное их определение неизбежно включает описание поведения, ожидаемого от тех, кто занимает эти позиции. Наличие определенных характеристик, таких как возраст, пол или положение в системе родства, являются предварительным условием для того, чтобы индивид занимал определенное положение. Само описание этих предпосылок является фактором культуры. Так, соотношение позиций отца и сына в нашей социальной системе нельзя понять, рассматривая только их биологическое родство. Необходимо учитывать весь набор стереотипов культурно детерминированного поведения, стоящий между ними. Если мы перейдем к соотношению работодатель и рабочий, то увидим, что его невозможно понять, не используя анализ взаимоотношений людей, занимающих эти позиции.

Совокупность позиций в социальной системе, в отличие от конкретного положения индивидуума или индивидуумов, занимающих ее в то или иное время, представляет собой конфигурацию паттернов (образцов) культуры. Эта конфигурация обеспечивает человека механизмами группового сосуществования и общественного взаимодействия так же, как другие снабжают его механизмами использования природной среды или защиты от сверхъестественных сил. Общества существуют во времени, приобщая представителей каждого поколения к культурным образцам

того общественного положения, которое им предстоит занять. Новые члены общества усваивают поведение мужа или вождя, ремесленника и, действуя в соответствии со своим положением, сохраняют эти позиции, а заодно и общественную систему в целом. Без культуры не было бы ни свойственных человеку общественных систем, ни возможности включать в них новых членов группы.

Я осознаю, что в вышеизложенном анализе проблем общества и культуры мы подчеркивали пассивную роль индивида и значение культурных и общественных факторов для его формирования. Теперь настало время представить другую сторону картины. Каким бы успешным ни было обучение индивида, как бы ни проходило его приспособление, индивид остается самостоятельным организмом, со своими потребностями, чувствами, действиями и способностью к мышлению. К тому же он в значительной степени сохраняет свою индивидуальность. Его включение в общество и культуру идет не дальше усвоенных им реакций; и хотя у взрослых они составляют большую часть того, что называем личностью, на долю индивидуальности остается немало. Даже в наиболее схожих и интегрированных обществах и культурах нет двух совершенно одинаковых людей.

В действительности, роль индивида во взаимоотношении с сообществом двояка. При обычных обстоятельствах, чем выше его адаптивность и последующая интеграция в общественную структуру, тем действенней его вклад в стабильное функционирование целого, тем надежней вознаграждение. Однако обществам нужно существовать и функционировать в постоянно меняющемся мире. Уникальная способность нашего вида приспособляться к меняющимся условиям и вырабатывать еще более эффективную реакцию на привычные условия бытия основана на том остатке индивидуальности, который сохраняется у каждого из нас после того, как общество и культура нас сформировали. Как простая единица общественного организма, индивид способствует сохранению статус кво. Как личность, он изменяет статус кво в случае необходимости. Поскольку абсолютно статичного окружения не существует, ни одно общество не может выжить без изобретателя с его способностью находить решение новых проблем. Хотя изобретателю нередко удается решить какую-либо общественно значимую задачу в ответ на вызов новой действительности, он при этом руководствуется и собственными потребностями. Тот, кто первым закутался в шкуру или поддержал огонь, сделал это не потому, что решил удовлетворить общественную потребность в этих новациях, а потому, что замерз. Каким бы губительным для общества ни было существование какого-либо института, стимул к его изменению или отмене и переходу к высшему, более сложному уровню культуры никогда не исхо-

дит от того, кто лично не испытывает затруднений. Новые общественно значимые изобретения делаются теми, кто недоволен существующими условиями, а не теми, кому они выгодны.

Понимание двойственной роли человека как индивида и как члена общества дает нам ключ к решению многих проблем, волнующих специалистов по человеческому поведению. Чтобы успешно функционировать как единица сообщества, человек должен усвоить определенные стереотипы поведения, то есть культурные образцы. Большинство из них ориентировано, скорее, на поддержание стабильности, чем на удовлетворение личных потребностей. Каждое общество подобно организму, и рассуждения о том, что его потребности отличаются от потребностей составляющих его индивидов, стали общим местом. Подобные утверждения не совсем точны, ибо обществу присущи совершенно иные качества, чем живому организму. Правильней было бы сказать, что потребности общественной ситуации состоят в том, что общество не может существовать во времени или эффективно функционировать в данный момент, если его культура не удовлетворяет определенным условиям. Они содержат технику включения новых индивидов в систему общественных ценностей и их подготовки к тому, чтобы занять соответствующее место в общественной структуре. Эти же условия содержат технику поощрения желательного для общества поведения и наказания нежелательного. Наконец, стереотипы поведения, которые формируют культуру, должны соответствовать друг другу, чтобы исключить конфликты и не позволить одной модели поведения перечеркивать другую. Всем обществам удалось создать культуры, удовлетворяющие этим требованиям, однако процессы их создания, построения до сих пор скрыты от глаз исследователей.

Культурные модели, от которых зависит выживание любого общества, основываются на стереотипах реакций со стороны его членов. Это возможно благодаря уникальной способности человека к обучению. Обучение ведется целенаправленно и не сводится к опыту, полученному вследствие случайности. Все дети получают от взрослых продуманные инструкции. Так сложные стереотипы поведения передаются от поколения к поколению. Стимулом к усвоению этих образцов служит удовлетворение личных потребностей и, в первую очередь, потребность в позитивном отклике от окружающих.

Однако, с точки зрения общества, подобное удовлетворение играет главным образом роль приманки. Индивид усваивает модели в целом, а они соответствуют потребностям общественной жизни не меньше, чем его собственным. Он глотает приманку непосредственного личного удовлетворения и попадает на крючок социализации. Он готов научиться есть,

чтобы утолить голод, но взрослые учат его «есть, как положено». С годами его реакция на голод не просто удовлетворяет его собственную потребность, но осуществляется приемлемым для общества и совместимым с другими культурными образцами способом. С помощью полученных наставлений и подражания индивид вырабатывает навыки, помогающие ему выполнять соответствующую роль в обществе не только эффективно, но и почти неосознанно. Способность интегрироваться в единую конфигурацию элементов поведения, часть из которых служит удовлетворению индивидуальных потребностей, а другая удовлетворяет социальные нужды; обучаться и передавать эти конфигурации как целое есть условие существования человеческого сообщества. Воспринимая эти конфигурации и фиксируя их как навыки, индивид готовится занять определенное положение в обществе и исполнять роль, соответствующую этому статусу.

Тот факт, что человеческое поведение усваивается главным образом в форме организованных конфигураций, а не просто строится на основе развития личного опыта, является чрезвычайно важным для исследований личности. Это означает, что способ, к которому прибегает человек, реагируя на определенную ситуацию, часто говорит не столько о его личности, сколько о том, какое обучение он прошел. Как правило, все занимающие одинаковое положение в структуре данного общества во многих случаях реагируют почти одинаково. Реакция любого индивида, принадлежащего к данной группе, ничего не говорит о его личностных характеристиках, но просто свидетельствует о его нормальной способности к обучению. О личных склонностях человека можно узнать не по его реакциям в пределах культурного стереотипа, а по отклонениям от них. Понять его как личность помогают именно нюансы, а не основная линия его поведения. Этот факт очень важен для культурологического исследования психологии личности. Пока психолог ориентируется на нормы поведения, навязанные обществом, и рассматривает их как личностные характеристики, он не проникнет за фасад социального конформизма и культурной однородности и не поймет, что такое истинная личность.

Перевод *Л.А. Мостовой*